

6. Barbiche, B. Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne. XVI-e – XVIII-e siècle / B. Barbiche. – Paris : Presses Universitaires de France, 2012. – 369 p.
7. Black, J. A History of Diplomacy / J. Black. – Chicago : Reaktion Books, 2010. – 312 p.
8. Jarrett, M. The Congress of Vienna and its Legacy. War and Great Power Diplomacy After Napoleon / M. Jarrett. – London/New York : I. B. Tauris, 2013. – 522 p.
9. Lentz, T. Le congrès de Vienne. Une refondation de l'Europe, 1814–1815 / T. Lentz. – Paris : Perrin, 2013. – 400 p.

НАЗАД К КАНТУ, ИЛИ КАКОЙ ПРАВОПОРЯДОК НУЖЕН МИРУ? ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ДИСКУССИЙ О ПРИРОДЕ НОРМАТИВНОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

О. И. Ивонина (Новосибирск)

Обсуждение проблем нового миропорядка и природы современных международных отношений, инициированное объективными процессами глобализации, получило новый импульс после окончания Холодной войны. Доктринальное обоснование приоритетности международно-правового регулирования прав и свобод человека, способов ведения войн и разрешения конфликтов, обеспечения национальной и коллективной безопасности было отражением различных и противоречивых тенденций развития международных отношений на рубеже XX–XXI вв.

Кодификация норм гуманитарного права, в особенности концепции Responsibility to Protect (PR2P), свидетельствовала о признании всем мировым сообществом ценности человеческой жизни в качестве высшей цели развития общества и государства. Ссылки на право мирового сообщества вмешиваться во внутренние дела для «защиты населения от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности» стали обоснованием доктрины ограниченного суверенитета государства в условиях формирующегося демократического мирового сообщества [1].

Антропоцентризм либерального правосознания допускал наличие международной правосубъектности отдельных индивидов, юридических лиц, общественных движений, т.е. не обладающих суверенитетом *per se* участников транснационального взаимодействия.

Акцент на единстве общечеловеческих ценностей в постбиполярном мире, где значение идейных и политических барьеров сведено к минимуму, а различие статусных параметров нивелируется глобальной взаимозависимостью, был призван легализовать политику гуманитарных интервенций и операций по поддержанию мира, проводившуюся странами НАТО и США под лозунгом распространения демократии. Противоречие подобного курса нормам Устава ООН не смущало политологов, требовавших создания принципиально новой нормативной и институциональной базы международных отношений, устранения пробелов в действующем международном праве с

целью разрешения дилеммы между «принципом Зорро» и «принципом Мюнхена» [2, с. 23–24].

Размышления Канта о соотношении свободы и равенства, государственного суверенитета и «всемирного гражданского состояния», правового универсализма и партикуляризма в трактате «К вечному миру» 1795 г. оказались неожиданно созвучными современным дискуссиям о справедливости и эффективности международного права в условиях распада биполярной системы международных отношений и хаоса «эпохи турбулентности».

Отталкиваясь от кантовского понимания морального закона как универсально значимой нормы, применимой ко всем субъектам международных отношений и в любых ситуациях, современные последователи немецкого философа считали реальным воплощением категорического императива основополагающие принципы международного права. Зафиксированные в Статуте Лиги Наций, пакте Бриана-Келлога, Уставе ООН и других международных организаций, они воспринимались как «относящиеся к разряду *строгих* законов, имеющих силу при любых обстоятельствах и требующих *немедленного* осуществления» [3, с. 365; 6, р. 89]. Дж. Ролз отмечал универсализм категорий свободы, равенства и справедливости, которые не могут быть предметом торга или калькуляции национальных и государственных интересов [4, с. 38].

Х. Булл подчеркивал конвенциональный характер как самого международного права, так и институциональной природы современного миропорядка, концептуальной основой которых стал кантовский проект «всемирного гражданского состояния» и «мирного союза народов». Для Линклэйтера и Слотер была важна интуиция И. Канта относительно способности мирового сообщества достичь желанного равновесия между свободой и силой отдельных государств, создав «всемирно-гражданское состояние публичной безопасности» посредством вовлечения в процесс выработки «закона объединенной воли» всех субъектов мирового процесса, независимо от их статусной и политической природы [10, р. 170].

Кантовский проект «международного права, основанного на публичных и опирающихся на силу законах, которым должно подчиниться каждое государство», исходил из традиционного допущения правового натурализма о том, что «в человеческой природе всегда живо уважение к праву и долгу». Критики естественно-правовой доктрины справедливо указывали на то, что трактат «К вечному миру» представляет собой типичный пример идеального права, «указывающего на то, каким *должно быть* отношение между людьми и государствами» [3, с. 350–351].

Смещение ракурса дискуссий о судьбе либерального проекта в сферу размышлений над природой международного права, способного дать адекватный ответ на вызовы современности, способствовало актуализации идей Канта в споре о путях и формах общественного прогресса, пределах и перспективах транзита западных политических и правовых институтов в

другие культуры. Апологеты «либерального триумфализма» считали неизбежным переход подавляющего числа участников международных отношений к универсальным ценностям свободы, демократии, уважения прав и свобод человека, открытой и гласной политике.

Отмеченная И. Кантом неразрывная связь договорной природы правового государства с миролюбивым характером его внешней политики стала аксиомой как для неореалистов, так и для неолибералов, утверждающих вслед за немецким философом, что в рамках «формально установленного мирного союза» демократии друг с другом не воюют. Не случайно, по мнению М. Дойла, расширение «зоны мира» усилиями либеральных сообществ сопровождалось распространением демократии, способствуя исполнению мечты В. Вильсона сделать мир более безопасным для демократии, а ценности демократии – приемлемыми во всем мире [7, p. 1151–1152].

Проект «международного права, основанного на федерализме свободных народов, в котором каждому из них гарантировано его право» [3, с. 385] представлялся Канту компромиссом между свободой и суверенитетом. Философ сознательно противопоставлял свое видение международного правопорядка идеалу всемирного государства А. Сен-Пьера и Ж.-Ж. Руссо, считая главными атрибутами «союза народов» принципы кооперации и субсидиарности. По мнению современных авторов, в условиях глобальной взаимозависимости международное сотрудничество принимает *de jure* и *de facto* различные формы федеративной организации, в рамках которой привилегии и неприкосновенность государственного суверенитета ограничивается во имя безопасности и прав человека, солидарной защиты общих интересов и ценностей. Федерализм, тем самым, выступает институциональной основой международного гуманитарного права, демонстрируя совместимость свободы и порядка, суверенности и интеграции [9, p. 917–918].

Создание Лиги Наций, ООН, СБСЕ, ЕС современные последователи Канта считают эмпирическим воплощением собственно либерального проекта «вечного мира». В природе этих международных институтов проявилась, по их мнению, политическая культура и моральные стандарты либерально-демократических режимов: плюрализм, уважение прав и свобод человека, способность к достижению консенсуса по общезначимым проблемам, неукоснительное следование законам и принятым обязательствам. Как иронично заметил Х. Альварес, либеральные государства «всегда ведут себя хорошо и правильно», подчиняя категорическому императиву свои действия внутри и за пределами национальных границ [5, p. 183–184].

Таким образом, усилиями либерально-демократических режимов создается не только институциональная основа современного миропорядка – «федерация миролюбивых», – но и его правовое поле. Неолиберальная доктрина современного международного правопорядка, созданная современными последователями И. Канта, неуловимо сближается с цивилизационной дихотомией С. Хантингтона, в рамках которой понятия равенства,

справедливости, законности, свободы, международного сотрудничества выступают не просто маркерами западной цивилизации, но и нормативным обоснованием его особой роли в процессе международного правотворчества и правоприменения. В новой мировой иерархии и международном праве легитимируются и легализуются превентивные войны, ведущиеся от имени либерального мирового сообщества против «преступных» тоталитарных режимов, гуманитарные интервенции, прецеденты регионального юнилатерализма (подобно операциям НАТО в Югославии, США и Великобритании в Ираке, Ливии, Афганистане).

Соответствие акторов международного права критериям либеральной демократии должно учитываться, по мнению А.-М. Слотер, в процессе международного признания государств и принятия их в состав международных организаций (прежде всего, в ООН), в ходе реализации программ экономической и гуманитарной помощи, проектов международного сотрудничества [11, р. 509].

Итогом и уроком конфликта интерпретаций кантовского трактата 1795 г. в современной науке международных отношений стало новое понимание природы международного права. Толерантность, плюрализм, готовность к признанию прав и свобод «Другого» (несмотря на противоположный характер отстаиваемых им интересов и ценностей), стремление к сотрудничеству на равных во имя решения глобальных проблем, – таков далеко не полный перечень характеристик идеальной системы нормативного регулирования международных отношений, истоки которого восходят к кантовскому идеалу «вечного мира» между народами.

1. Ивонина, О. И. Новый Рим в новом мире / О. И. Ивонина // Сравнительная политика. – 2016. – Т. 7, № 3(24). – С. 17–24.
2. Итоговый документ Всемирного саммита ООН 2005 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/womenwatch/ods/A-RES-60-1-E.pdf>. – Дата доступа: 28.03.2019.
3. Кант, И. Сочинения в 4-х тт. на нем. и рус. яз. / И. Кант. – М.-Марбург, 1993. – Т. 1. Трактаты и статьи (1784–1796). – 936 с.
4. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. – Новосибирск : Наука, 1995. – 532 с.
5. Alvarez, J. E. Do Liberal States Behave Better? [Electronic resource] / J. E. Alvarez // European Journal of International Law. – 2001. – Vol. 12, № 2. – P. 183–246. – Mode of access: <http://www.ejil.org/pdfs/12/2/1516.pdf>. – Date of access: 28.03.2019.
6. Doyle, M. W. Liberalism and World Politics Revisited / M. W. Doyle // Controversies in International Relations Theory: Realism and neoliberal Challenge / Ed. by C. W. Kegley. – N. Y. : St.Martin's Press, 1993. – P. 83–105.
7. Doyle, M. W. Liberalism and World Politics [Electronic resource] / M. W. Doyle // American Political Science Review. – 1986. – December. – Vol. 80, № 4. – P. 1151–1169. – Mode of access: <http://www.ir.rochelleterman.com/sites/default/files/doyle%201986.pdf>. – Date of access: 28.03.2019.
8. Doyle, M. W. On Democratic Peace / M. W. Doyle // International Security. – 1995. – Vol. 19, № 4. – P. 164–168.

9. Finnemore, M. International Norm Dynamics and Political Change / M. Finnemore, K. Sikkink // International Organization. – 1998. – October. – P. 887–918.
10. Linklater, A. Beyond Realism and Marxism: Critical Theory and International Relations / A. Linklater. – L. : MacMillan Press, 1990. – 216 p.
11. Slaughter, A. M. International Law in a World of Liberal States [Electronic resource] / A. M. Slaughter // European Journal of International Law. – 1995. – Vol. 6, № 1. – P. 503–538. – Mode of access: <http://ejil.org/pdfs/6/1/1310.pdf>. – Date of access: 28.03.2019.

СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ПРОЦЕССЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. А. Синдеев (Москва)

История не имеет законов, но характеризуется закономерностями, поддержание которых обуславливается выработанными ранее подходами, повторяющимися жизненными циклами поколений, предпочтительной трансляцией известного, ограниченным желанием большинства подвергать себя риску испытать радикальные изменения. Закономерности реализуются в процессах, создающих разные уровни и разные системы. Одной из таких систем должна была бы стать система европейской безопасности, но три взаимосвязанных процесса (установление баланса, разделение и вытеснение нежелательных акторов) не позволили ей сформироваться.

Несмотря на то, что политики готовы заявлять о возможности длительное время обеспечивать некий баланс, в реальности достигнуть этого чрезвычайно затруднительно, если речь идет об истинном равноправии и о максимально приемлемом учете национальных интересов. Временное установление баланса, как правило, быстро сменяется стремлением разделить, или упростить сложившуюся систему, вытеснить конкурентов, отказаться от ответственности за большие пространства, использовать образ врага и угрозы [3]. 4 января 1909 г. министр-резидент Российской империи в Карлсруэ В. Эйхлер писал министру иностранных дел А. П. Извольскому о дихотомии подобной политики в тогдашней Германской империи: «Малейший упадок обаяния чреват грозными для народного богатства последствиями. Вред политики, основанной на угрозах, не раз, конечно, мелькал в сознании народа, но вера в превосходство своей военной мощи всегда усыпляла опасения» [1].

Процесс разделения предполагает появление и закрепление в общественном сознании антагонистичных идей и веры в несогласующиеся интересы. Кстати, именно с этим, на мой взгляд, и связан известный историографический спор о дате начала холодной войны, в котором подчас забывалось, что неприятие большевистской России не означало одновременного неприятия России вообще. Поэтому эмигрантские круги, репрезентовавшие иную Россию, некоторое время получали помощь. Когда же в «объективной» несовместимости идей не возникает сомнений, запускаются меха-